

Р. КИПЛИНГ
СЛОНЁНОК

ДЕТГИЗ - 1956

Р. КИПЛИНГ

СЛОНЁНОК

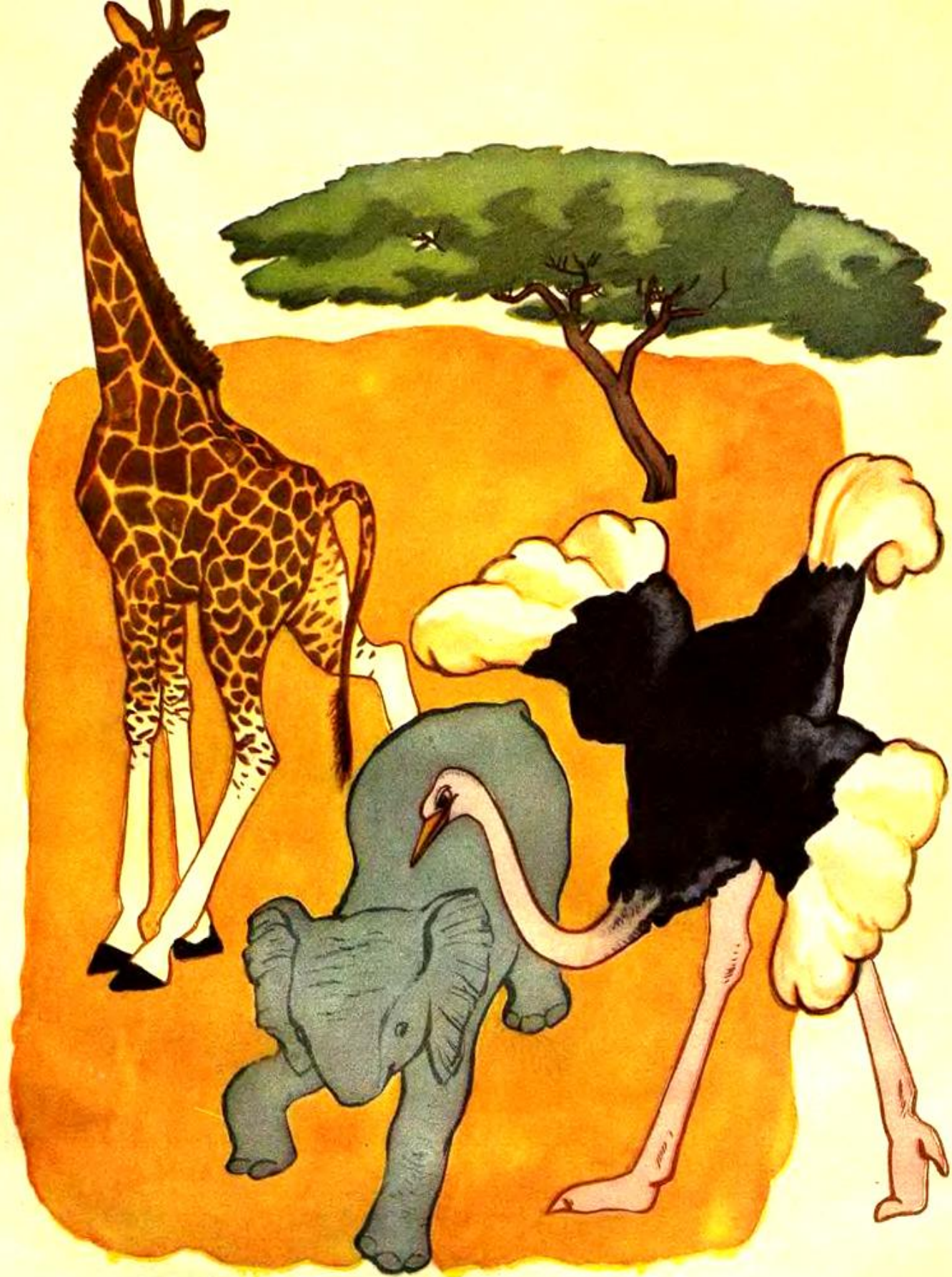
СКАЗКА

*Перевод с английского
Корнея Чуковского*

Иллюстрации
В. ДУВИДОВА

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1956

Э

то только теперь, милый мой мальчик, у Слона есть хобот. А прежде, давным-давно, никакого хобота не было у Слона. Был только нос, вроде как лепёшка, чёрненький и величиною с башмак. Этот нос болтался во все стороны, но всё же никуда не годился: разве можно таким носом поднять что-нибудь с земли?

Но вот в то самое время, давным-давно, жил один такой Слон, или, лучше сказать, Слонёнок, который был страшно любопытен и кого бывало ни увидит, ко всем пристаёт с расспросами. Жил он в Африке, и ко всей Африке приставал он с расспросами.

Он приставал к Страусихе, своей долговязой тётке, и спрашивал её, отчего у неё на хвосте перья растут так, а не этак, и долговязая тётка Страусиха давала ему за это тумака своей твёрдой-пре-твёрдой ногой.

Он приставал к своему длинноногому дядьке Жирафу и спрашивал его, отчего у него на шкуре пятна, и длинноногий дядька Жираф давал ему за это тумака своим твёрдым-пре-твёрдым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И он спрашивал свою толстую тётку Бегемотиху, отчего у неё такие красные глаза, и толстая тётка Бегемотиха давала ему за это тумака своим толстым-претолстым копытом.

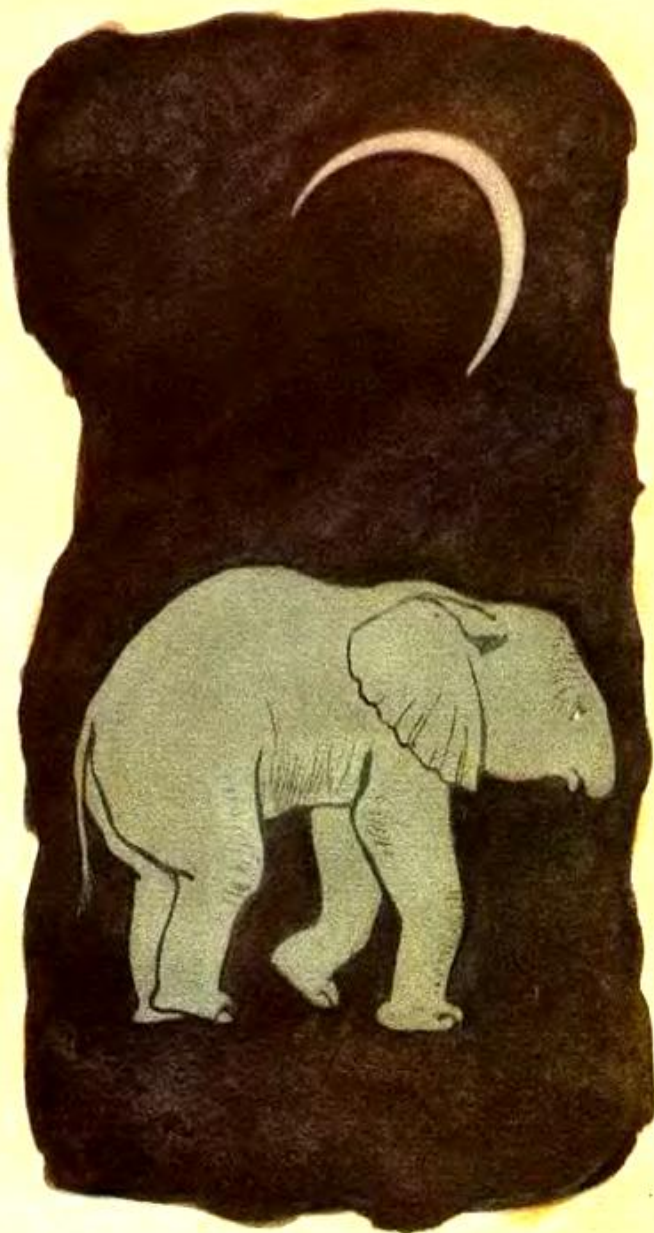
Но и это не отбивало у него любопытства.

Он спрашивал своего волосатого дядьку Павлиана, почему все дыни такие сладкие, и волосатый дядька Павлиан давал ему за это тумака своей мохнатой, волосатой лапой.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Что бы он ни увидел, что бы ни услышал, что бы ни понюхал, до чего бы ни дотронулся — он тотчас же спрашивал обо всём и тотчас же получал тумака от всех своих дядей и тёток.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И случилось так, что в одно прекрасное утро, незадолго до равноденствия, этот самый Слонёнок — надоеда и пристава-ла — спросил об одной та-кой вещи, о которой ещё никто никогда не спраши-вал. Он спросил:

— Что кушает за обе-дом Крокодил?

Все испуганно и гром-ко закричали:

— Тс-с-с-с!

И тотчас же, без даль-них слов, стали сыпать на него тумаки.

Били его долго, без передышки, но, когда кон-чили бить, он сейчас же подбежал к терновнику и сказал птичке Колоколо:

— Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и все мои тётки ко-лотили меня, и все мои дядьки колотили меня за несносное моё любопыт-

ство, и всё же мне страшно хотелось бы знать, что куша-ет за обедом Крокодил?

И сказала птичка Колоколо, печально и горько всхли-пывая:

— Ступай к берегу сонной, зловонной, мутнозелёной реки Лимпопо, где растут ядовитые деревья, которые нагоняют лихорадку. Там ты узнаешь всё.

На следующий же день, когда от равноденствия ничего не осталось, этот любопытный Слонёнок набрал бананов— целых сто фунтов!—и сахарного тростнику—тоже сто

фунтов!—и семнадцать зелёных хрустящих дынь, взвалил всё это на плечи и, пожелав своим милым родственникам счастливо оставаться, отправился в путь.

— Прощайте!—сказал он им.—Я иду к сонной, зловонной, мутнозелёной реке Лимпопо. Там растут деревья, они нагоняют лихорадку, и я узнаю-таки, что кушает за обедом Крокодил.

И родственники ещё раз хорошенько вздули его на прощанье, хотя он чрезвычайно любезно просил их не беспокоиться.

И он ушёл от них, слегка потрёпанный, но не очень удивлённый. Ел по дороге дыни, а корки бросал на землю, так как подбирать эти корки ему было нечем.

Из города Грэма он пошёл в Кимберлей, из Кимберлея в Хамову землю, из Хамовой земли на восток и на север и всю дорогу угощался дынями, покуда наконец не пришёл к сонной, зловонной, мутнозелёной реке Лимпопо, окружённой как раз такими деревьями, как говорила птичка Колоколо.

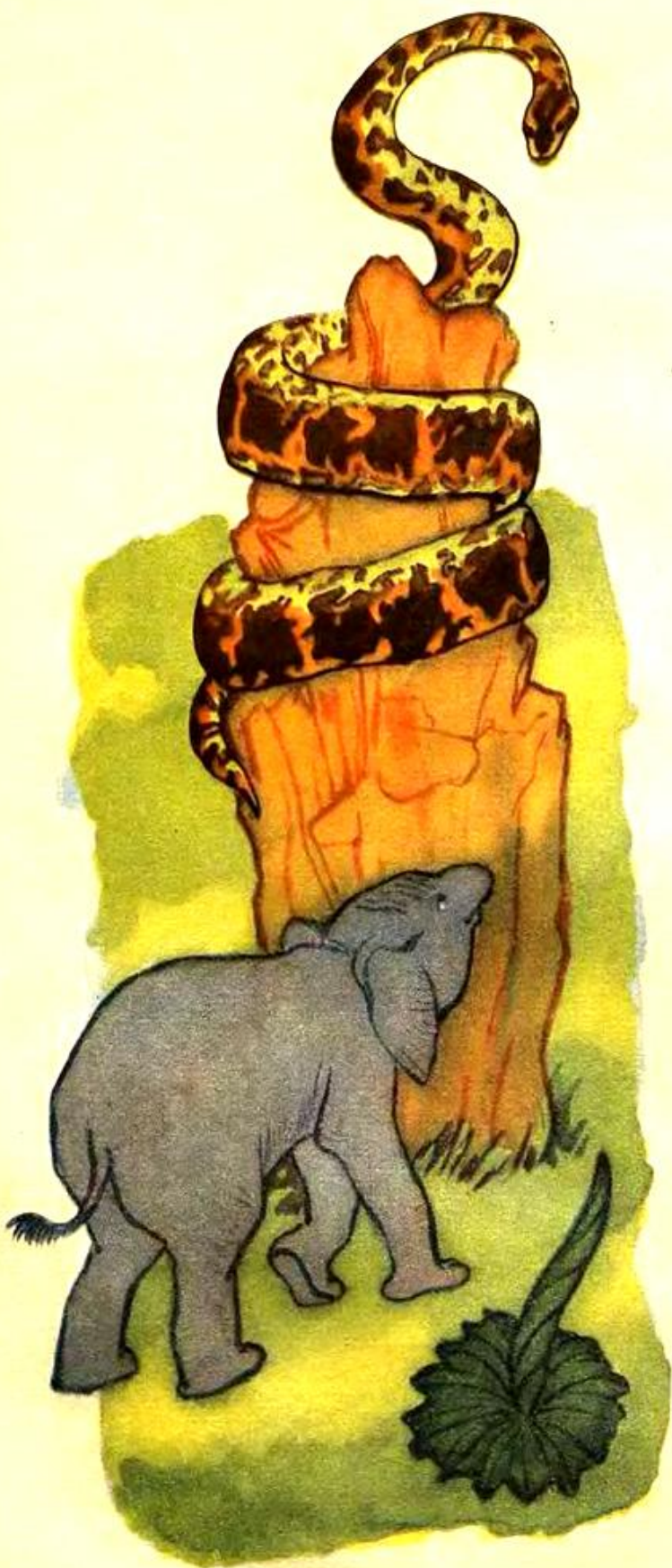
А надо тебе знать, мой милый мальчик, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты наш любопытный Слонёнок никогда не видал Крокодила и даже не знал, что это такое. Представь же себе его любопытство!

Первое, что бросилось ему в глаза,—был Двухцветный Питон, Скалистый Змей, обвинившийся вокруг какого-то утёса.

— Извините, пожалуйста!—сказал Слонёнок чрезвычай-

но учтиво.— Не встречался ли вам где-нибудь поблизости Крокодил? Здесь так легко заблудиться.

— Не встречался ли мне Крокодил?— с сердцем переспросил Двухцветный Питон, Скалистый Змей.— Нашёл о чём спрашивать!

— Извините, пожалуйста!— продолжал Слононок.— Не можете ли вы сообщить мне, что кушает Крокодил за обедом?

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, не мог уже больше удержаться, быстро развернулся и огромным хвостом дал Слононку тумака. А хвост у него был как молотильный цеп и весь покрыт чешуёю.

— Вот чудеса!— сказал Слононок.— Мало того, что мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и мой дядька колотил меня, и моя тётка колотила меня, и другой мой дядька, Павлиан, колотил меня, и другая моя тётка, Бегемотиха, колотила меня, и все как есть колотили меня за ужасное моё любопытство,— здесь, как я вижу, начинается та же история.

И он очень учтиво по-

прощался с Двухцветным Питоном, Скалистым Змеем, помог ему опять обмотаться вокруг скалы и пошёл себе дальше. Хотя его порядком потрепали, он не очень дивился этому, а снова взялся за дыни и снова бросал корки на землю—потому что, повторяю, чем бы он стал их поднимать?—и скоро набрёл на какое-то бревно, валявшееся у самого берега сонной, зловонной, мутнозелёной реки Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими лихорадку.

Но на самом деле, мой милый мальчик, это был Крокодил. И мигнул Крокодил одним глазом—вот так.

— Извините, пожалуйста! — обратился к

нему Слонёнок чрезвычайно учтиво.— Не случилось ли вам встретить где-нибудь поблизости в этих местах Крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом и высунул наполовину свой хвост из воды. Слонёнок (опять-таки очень учтиво) отступил назад, потому что новые тумачи не привлекали его.

— Подойди-ка сюда, моя крошка!— сказал Крокодил.— Тебе, собственно, зачем это надобно?

— Извините, пожалуйста!— сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво.— Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, моя долговязая тётка Страусиха колотила меня, и мой длинноногий дядька Жираф колотил меня, моя другая тётка толстая Бегемотиха колотила меня, и другой мой дядька, мохнатый Павлиан, колотил меня, и Питон Двухцветный, Скалистый Змей, вот только что колотил меня больно-пребольно, и теперь— не во гнев будь вам сказано— я не хотел бы, чтобы меня колотили опять.

— Подойди сюда, моя крошка,— сказал Крокодил,— потому что я и есть Крокодил.

И он заплакал крокодиловыми слезами, чтобы показать, что он и вправду Крокодил. Слонёнок ужасно обрадовался. У него захватило дух, он упал на колени и крикнул:

— Вас-то мне и нужно! Я столько дней разыскиваю вас! Скажите мне, пожалуйста, поскорее, что кушаете вы за обедом?

— Подойди поближе, малютка, я шепну тебе на ушко.

Слонёнок нагнул голову близко-близко к зубастой, клыкастой крокодиловой пасти, и Крокодил схватил его за маленький носик, который до этой самой недели, до этого самого дня, до этого самого часа, до этой самой минуты был несколько не больше башмака.

— Мне кажется,— сказал Крокодил, и он сказал это сквозь зубы, вот так,— мне кажется, что сегодня на первое блюдо у меня будет молодой Слонёнок.

Слонёнку, мой милый мальчик, это страшно не понравилось, и он проговорил через нос:

— Пусдиде бедя, бде очедь больдо!
(Пустите меня, мне очень больно!)

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, кинулся со скалы и сказал:

— Если ты, мой юный друг, тотчас же не отпрянешь назад, сколько хватит у тебя твоей силы, то моё мнение таково, что не успеешь ты сказать „раз, два, три!“, как вследствие твоего разговора с этим кожаным мешком (так он величал Крокодила) ты попадёшь туда, в ту прозрачную струю...

Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда говорят вот так.

Слонёнок сел на задние ножки и стал тянуться назад. Он тянул, и тянул, и тянул, и нос у него начал вытягиваться. А Крокодил отступил подальше в воду, вспенил её, как сбитые сливки, ударами своего хвоста и тоже тянул, и тянул, и тянул.

И нос у Слонёнка вытягивался, и Слонёнок растопырил все четыре ноги, такие крошечные слоновьи ножки, и тянул, и тянул, и тянул, и нос у него всё вытягивался. И Крокодил бил хвостом, как веслом, и тоже тянул и тянул, и чем больше он тянул, тем длиннее вытягивался у Слонёнка нос, и больно было этому носу у-ж-ж-жас-но!

И вдруг Слонёнок почувствовал, что ножки его заскользили по земле, и он вскрикнул через нос, который сделался у него чуть не в пять футов длиной:

— Довольдо! Оздавьде! Я больше де богу! (Довольно! Оставьте! Я больше не могу!)

Услыхав это, Двухцветный Питон, Скалистый Змей, бросился вниз со скалы, обмотался двойным узлом вокруг задней ноги Слонёнка и сказал:

— О неопытный и легкомысленный путник! Мы должны понатужиться сколько возможно, ибо впечатление моё таково, что этот военный корабль с живым винтом и бронированной палубой,—так величал он Крокодила,—хочет испортить твою будущую карьеру...

Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда выражаются так.

И вот тянет Змей, тянет Слонёнок, но тянет и Крокодил. Тянет, тянет, но так как Слонёнок и Двухцветный Питон, Скалистый Змей, тянут сильнее, то Крокодил в конце кон-

цов должен выпустить носик Слонёнка,—Крокодил отлетает назад с таким плеском, что слышно по всей Лимпопо.

А Слонёнок как стоял, так и сел и очень больно ударился, но всё же успел сказать Двухцветному Питону, Скалистому Змею, спасибо, хотя, право, ему было не до того: надо было поскорее заняться вытянутым носом—обернуть его холодноватыми листьями бананов и опустить в воду сонной, зловонной, мутнозелёной реки Лимпопо, чтобы он хоть немного остыл.

— К чему ты это делаешь?—сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

— Извините, пожалуйста,—сказал Слонёнок,—нос у меня потерял прежний вид, и я жду, чтобы он опять стал коротеньким.

— Долго же тебе придётся ждать!—сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.—То-есть удивительно, до чего иные не понимают своей собственной выгоды!

Слонёнок просидел над водою три дня и всё поджидал, не станет ли у него нос короче. Однако нос не становился короче, и—мало того—из-за этого носа глаза у Слонёнка стали немного косыми. Потому что, мой милый мальчик, ты, надеюсь, уже догадался, что Крокодил вытянул Слонёнку нос в самый заправдашный хобот—точь-в-точь такой, какие есть у нынешних Слонов.

К концу третьего дня прилетела какая-то муха и ужалила Слонёнка в плечо, и он, сам не замечая, что делает, приподнял хобот, хлопнул хоботом муху—и убил её насмерть.

— Вот тебе и первая выгода!—сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.—Ну рассуди сам: мог бы ты сделать что-нибудь такое своим прежним, булавочным носом? Кстати, не хочешь ли ты закусить?

И Слонёнок, сам не зная, как у него это вышло, потянулся хоботом к земле, сорвал добрый пучок травы, хлопнул им о передние ноги, чтобы стряхнуть с него пыль, и тотчас же сунул себе в рот.

— Вот тебе и вторая выгода!—сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.—Попробовал бы ты проделать это своим прежним, булавочным носом! Кстати, заметил ли ты, что солнце стало слишком припекать?

— Пожалуй, что и так,—сказал Слонёнок.

И, сам не зная, как у него это вышло, зачерпнул своим хоботом из сонной, зловонной, мутнозелёной реки Лимпопо немного илу и шлёпнул его себе на голову. Ил расквасился мокрой лепёшкой, и за уши Слонёнку потекли целые потоки воды.

— Вот тебе и третья выгода!—сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.—Попробовал бы ты проделать это своим прежним, булавочным носом! И, кстати, что ты теперь думаешь насчёт тумачков?

— Извините, пожалуйста,—сказал Слонёнок,—но я, право, не люблю тумачков.

— А вздуть кого-нибудь другого?—сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

— Это я с радостью!—сказал Слонёнок.

— Ты ещё не знаешь своего носа!—сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.—Это просто клад, а не нос. Вздует кого угодно.

— Благодарю вас,—сказал Слонёнок,—я приму это к сведению. А теперь мне пора домой. Я пойду к милым родственникам и проверю мой нос.

И пошёл Слонёнок по Африке, забавляясь и помахивая хоботом. Захочется ему сладких плодов—он срывает плоды прямо с дерева, а не стоит и не ждёт, как прежде, чтобы они свалились на землю. Захочется ему травки—он рвёт её прямо с земли, а не бухается на колени, как бывало.

Мухи докучают ему—он сорвёт с дерева ветку и машет ею, как веером. Припекает солнце—он опустит свой хобот в реку—и вот на голове у него холодная, мокрая нашлёпка. Скучно ему одному шататься без дела по Африке—он играет хоботом песни, и хобот у него звончее сотни медных труб.

Он нарочно свернул с дороги, чтобы разыскать толстяка Бегемота, хорошенько отколотить его и проверить, правду ли сказал ему Двухцветный Питон, Скалистый Змей, про его новый нос. Поколотив Бегемота, он пошёл по прежней дороге и подбирал с земли те дынные корки, которые разбрасывал по пути к Лимпопо,—потому что он был Чистоплотным Толстокожим.

Стало уже темно, когда в один прекрасный вечер он пришёл домой, к своим милым родственникам. Он свернул хобот в кольцо и сказал:

— Здравствуйте! Как поживаете?

Они страшно обрадовались ему и сейчас же в один голос сказали:

— Поди-ка, поди-ка сюда, мы дадим тебе тумачков за несносное твоё любопытство.

— Эх, вы!—сказал Слононок.—Много вы смыслите в тумачках! Вот я в этом деле понимаю. Хотите, покажу?

И он развернул свой хобот, и тотчас же два его милых братца полетели от него вверх тормашками.

—Клянёмся бананами!—

закричали они.—Где это ты так наострился и что у тебя такое с носом?

— Этот нос у меня новый, и дал мне его Крокодил на сонной, зловонной, мутнозелёной реке Лимпопо,—сказал Слононок.—Я завёл с ним разговор о том, что он кушает за обедом, и он подарил мне на память новый нос.

— Безобразный нос!—сказал волосатый, мохнатый дядька Павиан.

— Пожалуй,—сказал Слононок,—но полезный!

И он схватил волосатого дядьку Павиана за волосатую ногу и, раскачав, закинул его в осиное гнездо.

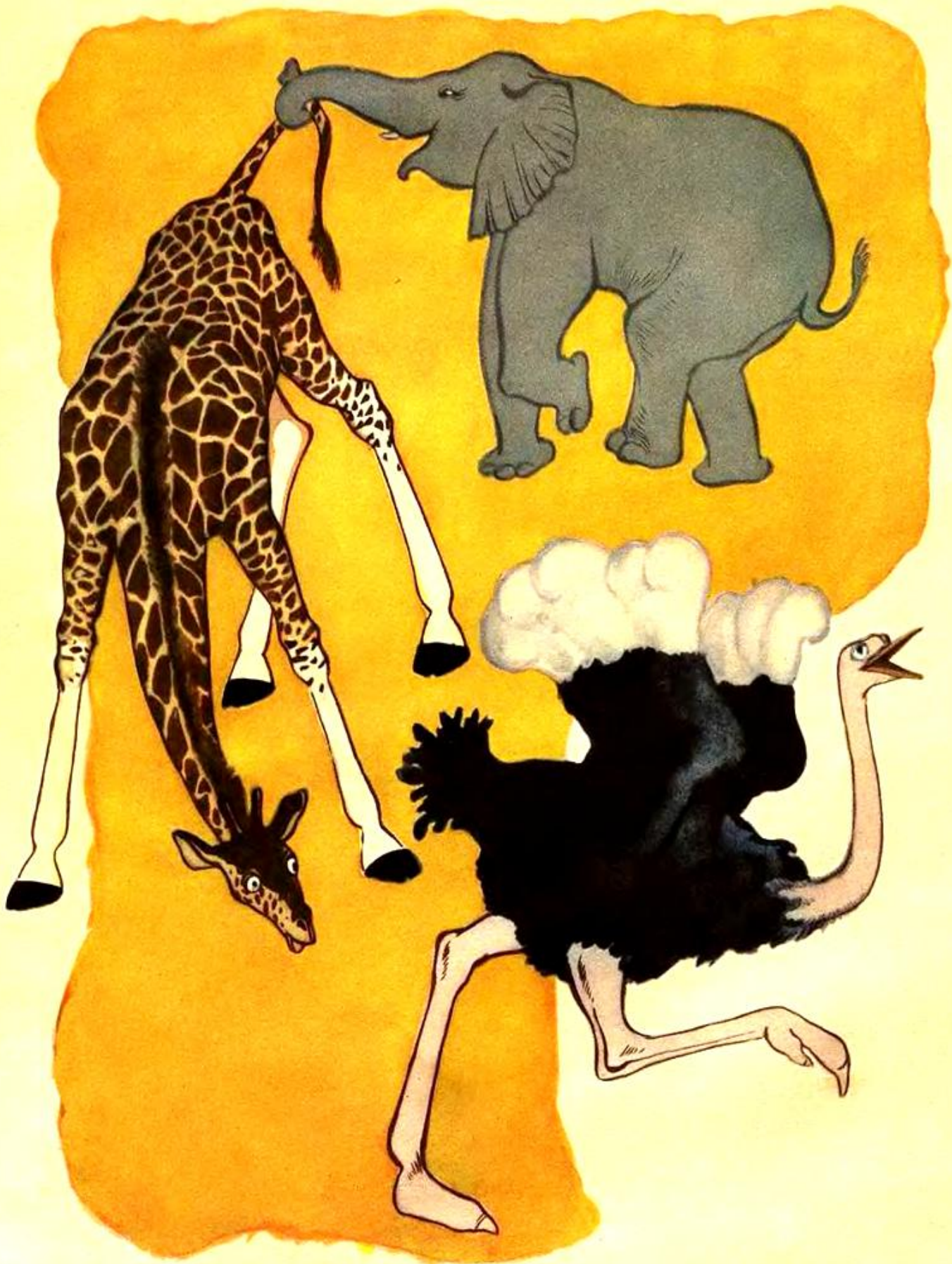
И так разошёлся этот гадкий Слононок, что отколотил всех своих милых родственников. Бил он их, бил, так что им жарко стало. Те выпучили на него глаза от изумления. Он выдернул из хвоста у долговязой тётки Страусихи чуть не все её перья; он ухватил длинноногого дядьку Жирафа за заднюю ногу и поволок его по терновым кустам; с гиканьем стал он пускать пузыри прямо в ухо своей толстой тётке Бегемотихе, когда та дремала в воде после обеда; но никому не позволял обижать птичку Колоколо.

Дело дошло до того, что все его родственники—кто раньше, кто позже—отправились к сонной, зловонной, мутнозелёной реке Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими на людей лихорадку, чтобы и им подарил Крокодил по такому же носу.

Вернувшись, родственники уже больше не дрались, и с той поры, мой мальчик, у всех Слонов, которых ты когда-нибудь увидишь, да и у тех, которых ты никогда не увидишь, у всех такой самый хобот, как у этого любопытного Слононка.

Цена 1 р. 55 к.

Для дошкольного и младшего школьного возраста.

Р. КИПЛИНГ

Слонёнок

Ответственный редактор *Н. В. Шерешевская*. Художественный редактор *С. М. Алянский*.
Технический редактор *В. А. Голубева*. Корректоры *Е. В. Кайрукшгис* и *Е. Г. Кольцова*.
Подписано к печати 11/IV-1956 г. Формат 60 X 92 $\frac{1}{2}$ — 2 $\frac{1}{2}$ печ. л. (2, 19 уч.-изд. л.). Тираж 200 000 экз. А04254.
Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

Полиграфкомбинат г. Казани по Ворошилова 19/4 Заказ № 362

МАДОУ детский сад № 2
г. Ивделя